

**ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ
В СИСТЕМЕ ВОИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ
В РУССКОЙ АРМИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.**

DOI 10.34685/ИИ.2024.47.10.009

Яндиев Беслан Магомедович

адъюнкт кафедры истории
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации (Москва)

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению военно-профессионального воспитания нижних чинов и офицеров как составной части воинского воспитания в русской армии первой половины XIX в. Подчеркивается, что оно представляло собой достаточно сложный и противоречивый процесс, который находился в зависимости от принципов боевой подготовки русской армии и ее тактики на поле боя, обеспечивался существовавшим на тот момент войсковым режимом и взглядами императоров Александра I и Николая I. В статье сформулирован вывод, что русская армия исследуемого периода представляла собой грозную силу несмотря на то, что вектор военно-профессионального воспитания, с точки зрения современных представлений, был выбран неверный. В армии первой половины XIX в., вобравшей в себя вековой опыт боевых побед и повседневной военной службы мирного времени, служили профессионалы военного дела.*

Ключевые слова: *русская армия, профессионализм, воинское воспитание, взгляды императоров, офицеры, нижние чины, воинские уставы, принципы, войсковой режим.*

Военно-профессиональное воспитание как составная часть воинского воспитания нижних чинов, офицеров и генералов в первой половине XIX в. представляло собой *достаточно сложный и противоречивый процесс*. С одной стороны, оно находилось в зависимости от принципов боевой подготовки русской армии и ее тактики на поле боя. С другой стороны, направленность военно-профессионального воспитания определялась взглядами императоров Александра I и Николая I, их сподвижниками. И в-третьих, оно было обеспечено существовавшим на тот момент войсковым режимом. Рассмотрим практику военно-профессионального воспитания и ее взаимосвязь с выше обозначенными условиями.

В первой половине XIX в. тактическое устройство русской армии и связанные с ним обучение и воспитание войск определялись существующими на тот момент воинскими уставами. Это, прежде всего, петровский Воинский устав 1716 г. и павловский устав 1796 г. «Уставом 1716 г., – пишет Н.П. Михневич, – были заложены в нашей армии незыблемые основы ее воспитания [1, с. 3-4]. Действительно, в уставе были определены и регламентированы все стороны воинской службы, в том числе, устройство армии, военные должности и должностные обязанности, правила гарнизонной и полевой службы мирного («Экзерциции, приготовление к маршу, звания и должности полковых чинов») и военного времени и собственно пехотный строевой устав. Воинский устав 1716 г. также вместили в себя свод военно-уголовных постановлений, военное судопроизводство и судопроизводство под наименованием «Артикул воинский с краткими толкованием и с процессами» [1, с. 3-4].

Петровский устав 1716 г., по мнению военных ученых начала XX в., являлся самым удачным в течение последовавшего 150-летнего периода развития регулярной русской армии. Он «был проникнут *явным стремлением воспитать армию для войны*, и не заключать ничего в себе лишнего, что не вело бы воспитание армии к этой главной цели» [1, с. 3]. В Воинском уставе были объединены алгоритмы организации всех сторон воинской службы, чего в последующем уже никогда не было. Русская армия жила по петровским уставам практически до середины XIX в., о чем свидетельствует его 15 изданий, последнее из которых состоялось в 1826 г. [1, с. 38].

Петровские уставы стали основой уставного творчества в последующие годы. Однако уже в период царствования Павла I частный почин, частные воинские инструкции были запрещены, а вольное отношение к Уставам стало жестко преследоваться. Воинский устав о полевой пехотной службе 1796 г. [2, №. 17 588], составленный под личным руководством Павла I, в обучении войск мирного времени на первое место выдвигал *строевое совершенство войск*.

Смысл подготовки войск к войне теперь заключался в том, чтобы строй выглядел идеально, чтобы линия фронта была абсолютно прямой, все интервалы и дистанции не изменялись при маневрировании строя. Венцом строевой подготовки был церемониальный марш, недостатки которого были предметом серьезных разбирательств и содержания высочайших приказов.

На уставе сильно отразились прусские порядки времен Фридриха Великого и господствовавшей тогда в Западной Европе линейной тактики ведения боевых действий. Через год после выхода павловского Устава вышла инструкция «Тактические правила или наставление воинским эволюциям» [3], которая была призвана отразить дух павловского устава и в тоже время являлась дополнением к нему. Павел I совершенно искренне считал, что «правильное равнение в движениях длинным развернутым фронтом составляют один из главных залогов успеха на войне» [1, с. 126].

Таким образом, в царствование Павла I, в период непосредственно предшествующий исследуемому, были заложены основы воинского воспитания (обучения), тактики войск, согласно которым к правильным взглядам относились те, которые видели источником боевых успехов «в идеальном исполнении всех тонкостей строя и в обращении войск в живую машину» [4, с. 644]. В результате создавалась воспитательная система, которая приводила «к полному обезличиванию, к шаблону, к подавлению разумной деятельности исполнителей», к требованию «слепого, нерассуждающего повиновения и безусловного исполнения без малейшего нарушения устава...» [4, с. 645].

Тенденции воинского воспитания, заложенные в строевых павловских уставах, продолжали оказывать влияние на военно-профессиональное воспитание в 1801-1804 гг. В 1805 г. русская армия встретилась с новой, наполеоновской тактикой, в результате чего возникла необходимость в совершенствовании уставов и тактических построений. В 1807-1810 гг. вышел труд «Опыт тактики» [5, с. 210-237], изданный по Высочайшему повелению, т.е., отражающий официальные взгляды военной элиты России на тактику боевых действий. Его составитель подполковник Хатов, учтя опыт Аустерлица, Эйлау и Фридланда, используя идеи, изложенные в труде французского офицера Ж.-А.-И. Гибера, в течение четырех лет издал две части этой книги: «Опыт начальной тактики» и «Опыт высшей тактики» [6].

В книге в положительном ключе обращалось внимание на необходимость тщательной одиночной подготовки солдата, на умение точно стрелять и переходить при необходимости к штыковому бою. Признавая приоритетность линейного боевого порядка, автор, тем не менее, осуждает идею о нормальном боевом порядке, указывает на возможность его изменения в зависимости от обстоятельств боя. От командиров требовалась самостоятельность и инициатива. «...взгляды “Опыта тактики”, – сделал вывод А.К. Баиов, – являлись во многом вполне разумными...» [7, с. 155-156]

На самом высшем уровне российской военной иерархии приходят к выводу о недостаточной эффективности павловских требований к военному искусству и необходимости возвращения к победным традициям XVIII в., в котором ведущие русские полководцы задолго до триумфального шествия наполеоновской армии по Европе осознавали вред парадных принципов подготовки войск к войне, необходимость творческих и самостоятельных решений в бою, а главное, необходимость в процессе боевой подготовки руководствоваться принципом «учить войска тому, что необходимо на войне». И не просто осознавали, но успешно применяли его [8].

Почти все мысли, высказанные в этом сочинении, легли в основу изданных в 1811-1820 гг. строевых уставов: пехотном, кавалерийском и артиллерийском. Новые строевые уставы отличались от предыдущих в лучшую сторону. Помимо перечисленных выше нововведений тактического плана, в них большое внимание было обращено на воспитание. К примеру, воинский устав о пехотной службе (1811-1816) [5] обращал внимание на овладение офицерами педагогическими навыками, умением «толковать каждому ясно, с терпением и без наказания...» [5, с. 248]

В тоже время, как и предыдущие уставы, этот устав имел своим содержанием подготовку войск на учебном плацу путем упражнений в равнениях и крайне сложных строениях. По отзыву современников требования к строевой подготовке при Александре I стали гораздо строже, чем при Павле. Гатчинские принципы подготовки войск к войне, а значит и воспитания, продолжали жить во время царствования Александра I. Все вышеназванные уставы в своей окончательной форме вышли уже после окончания Отечественной войны, а поэтому не оказали существенного влияния на ход подготовки к войне.

После наполеоновских войн в условиях мирного периода развития армии полная регламентация воинской службы, явления муштры и парадомании становятся главными методами военно-профессионального воспитания войск. Вновь созданные в 1811-1820 гг. строевые уставы родов войск не препятствуют такому положению вещей, приоритет в подготовке к войне остается за линейными учениями.

Прогрессивные идеи подготовки войска к войне были выдвинуты на тот момент главнокомандующим армией генерал-фельдмаршалом князем Барклаем де Толли, который в инструкции от 22 февраля 1815 г. о порядке занятий войск в мирное время указывал на необходимость обучения пехоты стрельбе по мишеням.

Продолжением прогрессивных идей подготовки войска к войне стало издание в 1818 г. Правил рассыпного строя [5]. Составители, обращая внимание на необходимость воспитания солдата для действия в рассыпном строю, подчеркивали: «Солдату, привыкшему ходить и действовать в шеренге, надобно внушить, что как скоро он находится в цепи, то должен покинуть всю принужденность, в сомкнутом строю необходимую, не заботиться о верном равнении или принужденном шаге, но делать всякое движение свободно и легко, как ему удобнее будет, и чтоб не заботиться о том, как он идет или стоит, но устремил бы все внимание свое на неприятеля и собственное свое положение» [5, с. 252].

Изданный в 1820 г. по указанию Барклая де Толли устав «Об употреблении стрелков в линейных учениях» [5, с. 290-295] шел против линейной тактики, сторонником которой был Александра I, поэтому все прогрессивные идеи фельдмаршала были нейтрализованы. Практика службы в последние годы правления Александра I на первый план выдвигала линейные учения, которые одни имели успех на высочайших смотрах.

Венцом устремлений, которыми были проникнуты Александровские уставы второй половины его царствования, становится вышедшее в 1825 г. руководство к построению пехотной дивизии в высочайше утвержденные боевые порядки и общие колонны [5]. Это было первой попыткой законами определить точное положение войск перед началом боя.

Законодательно было определено пять видов боевых порядков, которые были обязательными для военачальников и полководцев, тем самым сужалось их пространство для инициативы, что неизбежно отразилось на характере военно-профессионального воспитания. При таких требованиях в рамках первой четверти XIX в. вновь, как и в последние годы правления Павла I, целью военно-профессионального воспитания вновь становилось превращение офицеров и солдат «в машины, способные лишь к однообразному исполнению команд». При этом «никаких знаний, кроме механического знакомства с уставом не требовалось: в командире полка искали только качества “фронтального механика”» [4, с. 644].

Период царствования Николая I – второе рождение линейной тактики. Линейная тактика боя, закрепленная в уставных документах, и определила основной вектор и практику военно-профессионального воспитания в русской армии.

В 1831 г. был издан Воинский устав о пехотной службе, который явился усовершенствованием предыдущего устава 1811 г., главным образом в части, касающейся выполнения строевых приемов [9]. Цели и задачи его были прежними: путем доведения выполнения строевых приемов до автоматизма выработать у солдата и офицера своей принадлежности к общему механизму управления подразделениями в качестве его мелкой детали*. В этом виделся ключ к победе в реальном бою. Например, при движении в атаку инструкции требовали строгого порядка, который заключался в равнении, соблюдении четкости шага, интервалов и дистанций. Считалось, что батальоны, идущие в

ногу под градом пуль и снарядов, должны оказать на противника устрашающий эффект, снизить его сопротивляемость.

В годы Крымской войны выяснилось, что подобная тактика, требующая «стройности движений и совершенно ровных мест» [10, с. 478], оказалась одной из причин неудачного для России исхода войны. Более того, стремление к соблюдению стройности рядов на пересеченной местности приводило к тому, что наша армия несла огромные потери. Сражения при Ольteniцей, Инкерман, Черной стали свидетелями этих печальных событий, ставших результатом линейной нашей тактики [10, с. 478].

Продолжая характеристику военно-профессионального воспитания в русской армии, следует указать, что его направленность, определяемая взглядами императоров Александра I и Николая I и их военных сподвижников, привела к тому, что русская армия в конечном итоге была «обученной и воспитанной в фальшивом направлении» [10, с. 478]. Первопричина этому – различие в понимании сути профессионализма военнослужащего: правильного (прогрессивного), в эпоху правления Петра I и Екатерины II, не правильного (консервативного), в период царствования императоров Александра I и Николая I.

Военный профессионализм в русской армии XVIII в. предполагал умение нижних чинов и офицеров воевать в условиях боевых действий, а в мирное время – их постоянную работу по выработке необходимых в грядущей войне качеств. Созданная Петром I регулярная армия по замыслу кормчего была учреждена для войны, а чтобы побеждать, «надлежит непрестанно тому обучать, как в бою поступать» [11].

В рамках эпохи правления Петра и Екатерины осознавалось, что военный профессионал должен, прежде всего, уметь воевать, а отсюда и военно-профессиональное воспитание должно осуществляться в обстановке, приближенной к боевой. Многочисленные победные войны подтверждали правильность этого направления. Русская полевая армия этого времени была воспитана «в духе частного почина, любви к наступлению, где больше всего нужно участие широкой, творческой самодеятельности, живого духа, всех входящих в ее состав...» [12, с. 194].

*Совсем другая обстановка в армии сложилась в первой половине XIX в. За исключением десятилетия наполеоновских войн и постоянно сражающейся на протяжении всего исследуемого периода кавказской армии**, где возобладали описанные выше принципы военно-профессионального воспитания, расквартированная в центральных районах страны русская армия имела, как мы уже отметили, фальшивую направленность военно-профессионального обучения и воспитания. Это выразилось, прежде всего:*

во-первых, в изменении требований к боевой подготовке и к военному профессионализму личного состава. От офицеров и нижних чинов требовалось «исключительно механическое исполнение отдаваемых команд и приказаний» [10, с. 509]. Отсутствие необходимых навыков управления войсками в бою, низкий уровень знания военного дела старших начальников негативно отражался на военно-профессиональном воспитании всего офицерского корпуса. В результате такого руководства умственный и служебный кругозор офицеров в целом был существенно снижен. «Они убили у одной части любовь к военному делу, а другую обратили в отличных фельдфебелей и вахмистров», – дает характеристику николаевских генералов А.М. Зайончковский [10, с. 499];

во-вторых, в подавлении самостоятельности среди командного состава армии и вообще среди офицеров. Сначала аракчеевский режим, а затем и Николай I сделали все возможное, чтобы лишить армию инициативных, самостоятельных и думающих полководцев, о чем свидетельствуют факты Крымской войны;

в-третьих, господствующим формализмом в процессе подготовки к боевым действиям, требовавшим дополнительных и бессмысленных нагрузок на личный состав. От войск требовалась дисциплина, стройность рядов, умение быстро и безошибочно маневрировать в сомкнутом строю. Считалось, что только при правильном выполнении всех этих элементов может быть обеспечена победа в бою. В результате вся боевая подготовка представляла собой натаскивание на проведение перед проверяющими начальниками показательных маневров, учений, плац-парадов, смотров и т.д. Чтобы достичь

совершенства, личный состав нещадно гоняли на пределе человеческих возможностей, забывая о главной цели боевой подготовки – учить тому, что необходимо на войне [13].

Упражнения войск в полевых условиях практически не были организованы, хотя этого требовал устав. Поскольку этот раздел военного дела не подлежал проверке на смотре, то и выполнялся он формально. Ни нижним чинам, ни офицерам полевые занятия были не нужны, поскольку требовали больших и ненужных усилий.

Рассыпной строй, состоящий из застрельщиков и штуцерных, считался делом второстепенным, а поэтому в ходе подготовки войск ему уделяли мало внимания [14].

Стрелковой подготовкой занимались мало. На нее смотрели, как на никому не нужное бремя. На занятиях по стрельбе учителя добивались от учеников, в первую очередь, не точности стрельбы, а умения чисто выполнять приемы заряжания. «После нескольких занятий с унтер-офицером, – записал в своем дневнике современник, – мы с Самариним полюбопытствовали, умеет ли сам учитель стрелять, и, к удивлению нашему, узнали, что он, до мельчайших подробностей знающий искусство метания ружьем, никогда не стрелял!» [15, с. 49]

От кавалерии государь, будучи отличным наездником, требовал большой маневренности по пересеченной местности, смелых атак на противника, способности на заключительном этапе сражения завершить разгром противника. Однако в отсутствие манежей и другого необходимого материально-технического оборудования практика подготовки кавалериста также не отвечала требованиям. Кавалеристы часто целыми днями маршировали, принимали участие в пеших учениях, упражнялись в оружейных приемах. Артиллерия с аракчеевских времен содержалась в хорошем состоянии.

Анализ и сопоставление военно-профессионального воспитания с истинными целями и задачами обучения и воспитания, коими является подготовка военнослужащего к реальной войне, позволяет нам еще раз утверждать, что вся эта подготовка в обозначенный период времени происходила в ложном направлении. И прав Зайончковский, утверждавший, что существовавшая система подготовила к войне офицеров и генералов, большинство из которых «не рисковала самостоятельно шага сделать, не умела ни выбирать позиций, ни двигать войск на полях сражений, ни охранять и разведывать» [10, с. 501].

В условиях даже фальшивого направления воинского воспитания нельзя отрицать, что военно-профессиональное воспитание все же было организовано и позволяло из «человека воспитать «воина-солдата». Эту работу осуществлял войсковой режим – сила, которая осуществляет воспитательное бессознательное воздействие на военнослужащего в течение всей его службы и состоит из элементов, нашедших свое конкретное выражение в воинских уставах исследуемого периода. Мероприятия, проводимые в рамках войскового режима (строевая подготовка, маневры, караульная служба и т.д.), практически всегда одновременно заключали в себе как обучение, так и воинское воспитание. Воспитание и обучение находятся всегда рядом, хотя, по утверждению М. Левитского, это «два резко отличающихся между собою отдела» [16, с. 183]. В современной трактовке обучение и воспитание всегда единый процесс. Обучение военному делу всегда воспитывает, а воинское воспитание всегда присутствует в процессе обучения.

В первой половине XIX в. для реализации задач воинского воспитания на основе войскового режима имелись благоприятные условия. Нижние чины, а равно большая часть офицерского состава в этот период служили в регулярных войсках значительное количество лет (от 15 и более). За этот длительный период любой рекрут рано или поздно благодаря функционировавшему в русской армии войсковому режиму становился военным профессионалом. Начиная с петровских времен молодые рекруты – крестьяне, далекие от воинской службы, попадали в обстановку войскового режима. Военный быт, окружающая среда постепенно, в течение установленных уставом длительных сроков службы, воспитывала вчерашнего крестьянина в воинском духе, делали из него солдата. И все это в условиях минимизации целенаправленных словесных воздействий командиров, без предусмотренных специальных воспитательных органов. По мнению М.И. Драгомирова, произошедшее сокращение сроков службы во второй половине XIX в. не лучшим образом сказалось на воспитании солдата. «Не трудно, – писал он, – было прежнему рекруту втянуться в воинский обиход, попав в массу людей, большинство которых считало свою службу десятками лет; он усваивал по рутине и то, как должен

вести себя, и то, как должен служить; чего не узнавал в первый год, узнавал во второй, в пятый и т.д.» [16, с. 119]. На важное значение в воспитании человека внешних условий указывал и М. Левитский, считавший, что «при воспитании солдат нужно прежде всего обратить внимание на окружающую обстановку, чтобы она способствовала воспитанию их...» [16, с. 183]

С допетровских и петровских времен в регулярной русской армии под влиянием воинских уставов и войсковой практики стала образовываться определенная среда, войсковой режим как совокупность мероприятий, отражающих отдельные стороны воинской службы, которые автоматически, ежедневно осуществляли воинское, в том числе военно-профессиональное воспитание военнослужащих. Большинство таких мероприятий постепенно приняли форму ритуалов воинской деятельности, получили закрепление в воинских уставах.

Анализ уставных документов и войсковой практики исследуемого периода показывает, что основными видами служебной деятельности нижних чинов и офицеров русской армии первой половины XIX в. являлись: боевые действия, маневры, учения, марши, гарнизонная, караульная, внутренняя и патрульная службы и некоторые другие элементы войскового режима, которые осуществляли функцию военно-профессионального воспитания. К этому времени все виды служебной деятельности уже были достаточно хорошо прописаны в действующих на тот момент времени уставах, инструкциях, наставлениях, приказах и др.

В начале XIX вв. одно из центральных мест в боевой подготовке армии, военно-профессиональном воспитании военнослужащих стал занимать *строевой смотр*. В ходе смотров (инспекторских и специальных), основы проведения которого были заложены павловским строевым уставом, помимо строевой подготовки военнослужащих, проводилась проверка формы одежды и комплектность личного состава [17, с. 87].

Строевой смотр, предметом которого являются такие элементы, как выправка и стойка, маршировка, повороты, ружейные приемы и проч., служил воспитательным целям, таким как воспитание воли военнослужащего, подчинение воли бойца воле начальника. Сомкнутый строй, представляющий собой монолитную массу, также способствовал формированию таких воинских качеств, как чувство войсковой солидарности, послушание и дисциплина, товарищество, взаимопомощь, вера в боевую мощь русской армии. Четкий и красивый строй превращал людей в армию в отличие от нестройной толпы, вредной для воспитания.

Воспитательным целям служили и парады как разновидность строевого смотра. По мнению офицера русской армии Ольховского, парады «представляют случай, когда войска могут щегольнуть собою, а население – полюбоваться ими. Это приятно и полезно, а также поднимает престиж старшего начальника» [18, с. 205]. Таким образом, мероприятия строевого смотра, если их использовать в разумных пропорциях, безусловно осуществляют воспитательный эффект.

После 1825 г. дело Александра I и Аракчеева в новых исторических условиях было продолжено Николаем I, для которого инспектирование строевых смотров было любимым занятием. Строевые занятия становятся универсальным способом проведения не только строевых занятий, но и тактических учений, отработкой элементов линейной тактики, которая до середины 1850-х гг. заняла доминирующее положение в тактических построениях русской армии на поле боя. По утверждению Г.А. Леера, фридриховская тактика, которой немцы перестали пользоваться после сражений при Иене и Ауэрштадте, продолжала жить в русской армии вплоть до середины 50-х гг. XIX в. [19, лл. 43-44] Только в одном сентябре 1851 г. император лично присутствовал при проведении тринадцати смотров [20, лл. 69-80].

В конечном итоге строевая подготовка войск заменила собой все другие виды военной подготовки. Как писал один из армейских офицеров на страницах Военного сборника, «смотры высшего начальства составляют альфу и омегу нашей служебной деятельности; все стремления командного состава направлены на то, чтобы произвести должный эффект на смотре» [21, с. 84]. В тоже время в среде военных прагматиков существовало понимание, что смотр необходимо в-первую очередь проводить не для парадов, а для того, чтобы «фактически убедиться в исправном состоянии части» [22].

Важную роль в деле военно-профессионального воспитания военнослужащих играл *распорядок дня*. Он определял основу всей организации военной службы в ходе повседневной деятельности войск, способствовал приобщению военнослужащих к определенному жизненному ритму, дисциплине и организованности – качеств, необходимых военному человеку. Неизменным элементом распорядка дня в исследуемый период являлась утренняя и вечерняя поверки.

Для утренней и вечерней поверок в исследуемый период существовал определенный порядок их проведения – «Утренняя и вечерняя заря», воспитательной целью которых являлось формирование таких военно-профессиональных качеств, как дисциплинированность, исполнительность, точность, аккуратность и др. «Утренняя и вечерняя заря» была неизменным атрибутом распорядка дня в местах постоянной дислокации личного состава, а также при размещении в крепостях, в лагерном городке в период сборов, учений, маневров и боевых действий. В крепостях «Утренняя и вечерняя заря» дополнялась поднятием (опусканием) флага.

С 1840-х гг. появилась традиция – зачитывать при вечерней переключке имена героев, навечно зачисленных в полковые списки. Впервые этот ритуал был проведен в 77-м пехотном Тенгинском полку по поводу героического поступка рядового Архипа Осипова, погибшего при взрыве порохового погреба совместно с врагами. С тех пор на переключках в роте зачитывалось имя героя с ответом: «Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении».

Таким образом переключка выполняла контрольные, организующие и воспитательные функции, способствовала сплоченности воинского коллектива, осознанию солдатами и офицерами своей принадлежности к мощному армейскому организму, важности ратного труда, развитию чувства гордости за героические традиции роты, батальона, полка.

Важную организационно-воспитывающую роль в процессе служебной деятельности играл такой элемент военной службы, как развод и смена караулов. «Только караульная служба, – писал Драгомиров, – есть в мирное время служба действительная» [23, с. 379]. По его выражению, «от каждой запятой устава о службе в гарнизоне или кровью, или судом пахнет». Сторонники этого взгляда признавали, что при организации караульной службы отдельными управленцами на разных этапах исторического пути русской армии действительно имелось много показных, ритуальных и очень часто ненужных элементов, наносящих вред истинной дисциплине. Однако дозированное, прагматичное использование караульной службы, несомненно, оказывало дисциплинирующее воздействие на личный состав. По выражению Драгомирова, при «деятельном», а не «созерцательном» отношении к караульной службе само собой выясняется ее громадное воспитательное значение [23, с. 379].

Основы организации караульной службы в русской армии были заложены в XVIII в. и нашли свое отражение сначала в Уставе воинском 1716 г. в разделе «Развод и смена караулов», а конечная точка была поставлена в Пехотном строевом уставе 1797 г.

Павловский устав значительно усложнил процедуры, связанные с несением караульной службы. Павловская строгость по отношению к нарушениям правил несения караульной службы и особенно – вахтпарада, с годами только усиливалась. Свою лепту в это внес и сподвижник императора граф А.А. Аракчеев. Любой развод караула, который посещал граф, неизбежно сопровождался снятием или арестом хотя бы одного офицера [24, с. 50].

Тенденция увлечения парадной стороной караульной службы была продолжена во времена царствования Николая I. Чрезмерное внимание ритуалу развода и смены караула со стороны императора, на наш взгляд, наносило вред воспитательному процессу в армии, отвлекая большое количество военачальников и иных должностных лиц от их непосредственных обязанностей, тем более, от подготовки к боевым действиям. К примеру, согласно инструкции, проверка караула являлась обязанностью императора, генерал-губернатора, военного министра, командующего императорской главной квартирой и дежурного генерал-адъютанта и т.д. [25, с. 9], что только затрудняло службу и не имело никакой служебной целесообразности.

Таким образом, элемент воинской службы – развод и смена караула во второй половине XIX в. играл важную роль в военно-профессиональном становлении военнослужащих, порядок его организации был закреплен в Воинском уставе о службе гарнизона 1843 г. [26] Тем не менее, увлечение парадной

стороной караульной службы значительно снижало воспитательный эффект, превращая несение караульной службы в непомерно тяжелый воинский труд, сопровождающийся многочисленными и зачастую надуманными элементами. Эта тенденция была осмыслена и прекращена на следующем этапе строительства армии. Караульная служба до сих пор играет важную воспитательную роль в современной армии, поддерживая личный состав в боевом тоне.

Интересам военно-профессионального воспитания военнослужащих, имеющим длительную историю своего образования, в первой половине XIX в. также соответствовал такой служебный элемент как «отдание воинской чести». Он способствует соблюдению таких важных воинских принципов, как единоначалие, субординация, повиновение, соблюдение воинской вежливости и т.д.

В первой половине XIX в. предусматривалось индивидуальное и коллективное воинское приветствие в составе строя. Основы отдания чести между военнослужащими как в ходе строевой подготовки, так и одиночном передвижении были отражены в павловском воинском уставе 1797 г. [17, с. 236], но в течение исследуемого периода они постоянно изменялись приказами и указами.

Таким образом, в русской армии первой половины XIX в. военно-профессиональное воспитание было одним из важных разделов воинского воспитания. Его *теоретическая направленность была обеспечена воинскими уставами*, закрепляющими, прежде всего, основы линейной тактики боя и консервативные принципы подготовки войск к ведению боевых действий.

Под стать теории военно-профессионального воспитания была и *практика*, которая определялась субъективными воззрениями государственных деятелей и военачальников, среди которых наибольшее влияние на характер военно-профессионального воспитания оказали императоры Александр I, Николай I и граф А.А. Аракчеев.

Бесконечная муштра, вахтпарады, плац-парады, линейные учения на строевом плацу, погоня за «блестящей внешностью» частей, игнорирование принципа «учить тому, что необходимо на войне» увели военно-профессиональное воспитание в ложном направлении, лишили командный состав инициативы и самостоятельности, что стало главной причиной поражений русской армии в Крымской войне.

Тем не менее, даже будучи направленной по ложному пути воспитания и обучения, русская армия в морально-психологическом отношении представляла собой грозную силу, не считала себя проигравшей стороной и была готова продолжить войну. Это говорит об ее высоком моральном духе и военном профессионализме, пусть даже в том виде, в котором ее понимало тогдашнее руководство русской армии. Русская армия, не смотря на определенные издержки воинского воспитания в исследуемый период, была профессиональной армией. Этот профессионализм достигался сложившимся в армии войсковым режимом, который объективно, независимо от субъективных влияний сложившейся теории и навязанной взглядами государственной элиты воспитательной практики, способствовал становлению военного профессионала. Даже в таком виде русская армия представляла собой грозную силу, была надежной опорой самодержавия, православия и Отечества.

* Прусский взгляд на солдата как на «механизм, артикулом предусмотренный», продолжал господствовать в русской армии до середины XIX в.

** Кавказская армия – общее название. С 1816 г. – кавказский корпус, а с 1855 г. – кавказская армия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Михневич, Н. П. Образование (обучение) войск: исторический очерк // Столетие военного министерства. 1802-1902 : Т. 4. Ч. 1. Кн. II. Отд. 3. Вып. 1. – Санкт-Петербург : Тип. «Бережливость», 1903.

[2] Устав воинский о полевой пехотной службе, 1796 года // ПСЗ РИ (1). Т XXIV.

[3] Тактические правила или Наставление воинским еволюциям. : Наставление воинским еволюциям : С планами. – [Санктпетербург] : Тип. Мор. шляхет. кадет. корпуса, 1797.

- [4] Баиов, А. К. История русского военного искусства : Полное издание в одном томе. – Москва : Альфа-книга, 2020. – 1015 с.
- [5] Столетие военного министерства. 1802-1902 : Т. 4. Ч. 1. Кн. II. Отд. 3. Вып. 1. – Санкт-Петербург : тип. «Бережливость», 1903.
- [6] См. подробнее: Жучков, К. Б. Французская военная мысль в России накануне Отечественной войны 1812 г. // Метаморфозы истории. – 2017. – Вып. 9. – С. 201.
- [7] Баиов, А. К. Курс истории русского военного искусства. Вып. VII. Эпоха императора Александра I. – Санкт-Петербург : Тип. гр. Скачкова с С-ми, 1913.
- [8] См.: Жучков, К. Б. Французская военная мысль в России накануне Отечественной войны 1812 г. // Метаморфозы истории. – 2017. – Вып. 9. – С. 192-222.
- [9] Воинский устав о пехотной службе: Кн. 1. – Санкт-Петербург : Воен. тип. Гл. штаба е. и. в., 1831.
- [10] Зайончковский, А. М. Восточная война. 1853-1856 : в 3 т. – Санкт-Петербург : Полигон, Т. 1. – 928 с.
- [11] Устав воинский 1716 г. Ч. 3. Цит. по: Законодательство Петра I / Отв. ред: А.А.Преображенский, Т.Е.Новицкая. – Москва : Юр. лит., 1997.
- [12] Верховский, А. Очерк по истории военного искусства в России XVIII-XIX вв. – Москва : Высш. воен. ред. совет, 1922. – 279 с.
- [13] Устав о строевой пехотной службе. Кн. 1. О строевой службе. Ч. III. Батальонное ученье. 1848. – Санкт-Петербург : Воен. тип., 1848.
- [14] Имеретинский, Н. К. Из записок старого Преображенца / [Князь Н. Имеретинский] // Русский архив. – 1884. – Кн. 6.. – С. 371-412.
- [15] Самарин-ополченец. Из воспоминаний его дружинного начальника по ополчению 1855 года В.Д. Давыдова // Русский архив. – 1877. – Вып. 5-8. – С. 44-51.
- [16] О долге и чести воинской в армии российской. Военные документы, статьи военачальников, военных педагогов: в 2 т. Т. 1 // Под общ. ред. Н.А. Панкова. – Москва : Воениздат, 2009.
- [17] Устав Императора Павла I о полевой пехотной службе. – Санкт-Петербург, 1797.
- [18] Ольховский, П. Воинское воспитание // Российский военный сборник. Вып. 13: Душа армии. – Москва : Воен. ун-т, 1997.
- [19] РГВИА. Ф. 406. Д. 152.
- [20] РГВИА. Ф. 970. Оп. 701. Д. 2.
- [21] Офицер и солдат // Военный сборник. № 1.– Санкт-Петербург, 1858.
- [22] Свод Военных Постановлений. – Санкт-Петербург, 1858. Ч. 3. Кн. 1. Ст. 266-269.
- [23] Военная энциклопедия // под. ред. Новицкого и др. – Санкт-Петербург, 1913. Т. 12.
- [24] Томсинов, В. Аракчеев. – Москва : Молодая гвардия, 2003.
- [25] Высочайше утвержденная инструкция дежурным генералам при Его Императорском Величестве. – Санкт-Петербург, 1834.
- [26] Воинский устав о пехотной службе: Кн. 2. О службе в гарнизоне. – Санкт-Петербург : Воен. тип., 1843.

MILITARY PROFESSIONAL EDUCATION IN THE SYSTEM OF MILITARY EDUCATION IN THE RUSSIAN ARMY IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Yandiev Beslan Magometovich
Adjunct, Department of History,
Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow)

Abstract. *The article is devoted to the consideration of military-professional education of lower ranks and officers as an integral part of military education in the Russian army of the first half of the 19th century. It is emphasized that it was a rather complex and contradictory process, which depended on the principles of*

combat training of the Russian army and its tactics on the battlefield, was provided by the military regime that existed at that time and the views of the emperors Alexander I and Nicholas I. In conclusion, the article formulates a conclusion that the Russian army of the period under study was a formidable force despite the fact that the vector of military-professional education, from the point of view of modern ideas, was chosen incorrectly. In the army of the first half of the 19th century, which absorbed centuries of experience in combat victories and everyday military service in peacetime, served professionals in military affairs

Key words: *Russian army, professionalism, military education, views of emperors, officers, lower ranks, military regulations, principles, military regime.*

© Яндиев Б.М., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 10.09.2024.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка на статью:

Яндиев, Б. М. Военно-профессиональное воспитание в системе воинского воспитания в русской армии первой половины XIX в. – DOI 10.34685/НЛ.2024.47.10.009. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 54-63. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/674.html&j_id=62.
